

говаривает как последний простолюдин; а для того, чтобы Белая Королева стала неузнаваемой, равно необходимы два условия — дружеское участие и папилютки в волосы!

Однако с такой же легкостью, с какой он соединяет несоединимое, Кэрролл разъединяет неразрывное. «Прощайте, ноги!» — говорит Алиса стремительно убегающим от нее ногам. И принимается строить планы о том, как она будет посылать им подарки к рождеству. А Чеширский Кот обладает чудесной способностью медленно и частями исчезать (медленное исчезновение — разве это понятие не соединяет в себе несоединимое?!). Все мы знаем котов без улыбки, но вот Кэрролл знает еще и улыбку без кота! Знаменитая улыбка Чеширского Кота одиноко парит в воздухе как символ иронии и отрицания бессмысленного мира, по которому странствует Алиса.

При всей фантастичности ситуаций и умозаключений Кэрролла они всегда строго обоснованы. «Змея!» — кричит Горлица, заведя длинную шею Алисы. Та уверяет, что она всего лишь маленькая девочка, но признается, что маленькие девочки тоже любят яйца. «Тогда они тоже змеи!» — говорит Горлица. Нельзя отказать ей в логике, точно так же, как нельзя не признать доводов Чеширского Кота в пользу собственного безумия. «Я больше не хочу!» — говорит Алиса во время Безумного Чаепития. «А меньше хочешь?» — спрашивают у нее.

Кэрролл оживляет метафоры, реализует стершиеся обороты речи, давая им свое, неожиданное, но всегда логическое обоснование. «Ах ты, поросенок!» — говорит Герцогиня младенцу. И не успевает Алиса и глазом моргнуть, как младенец превращается в поросенка.

«Сядем на минутку», — говорит, задохнувшись от бега, Алиса. «Сядем на Минутку?» — с негодованием переспрашивает Король. — А что бы ты сказала, если б на тебя сели?»

Книга Кэрролла насквозь пародийна. Пародируются не только нравоучительные стихи, но и школьная премудрость, и скучная мораль здравого смысла. Лондон становится столицей Парижа, антиподы превращаются в антипатии, даже таблица умножения выходит из повиновения. В сцене суда пародируются судебные и газетные штампы, в Беге по кругу — парламентские разногласия и споры.

Наконец, в сказках Кэрролла нашла свое отражение и непосредственная специальность автора: ведь Кэрролл был профессионалом-математиком, много размышлявшим над различными математическими проблемами. Кэрролл предвосхитил и в художественных образах представил то, что лишь спустя десятилетия стало достоянием науки. Вот почему его

сказки так заинтересовали математиков, физиков, логиков, семиотиков и других ученых. О научных прозрениях Кэрролла написано немало; достаточно упомянуть комментарий известного американского ученого Мартина Гарденера к его сказкам (он опубликован и по-русски).

Льюис Кэрролл начал с рассказа, понятного узкому кругу близких людей. Постепенно расширяя его, он создал книгу, которая вот уже столетие волнует человечество. Вероятно, происходит это во многом потому, что сердце свое он вложил в «Алису». Эта книга значила для него почти так же много, как «Новая жизнь» для Данте. Льюис Кэрролл дружил со многими детьми, но никого не любил он так глубоко и нежно, как Алису Лидделл. «У меня было множество друзей после тебя, — писал он ей, когда она уже вышла замуж, — но все это было совсем другое». Эту любовь он пронес через всю жизнь. Имя Алисы повторяется, словно магическое заклинание, в титулах обеих книг: «Приключения Алисы в Стране Чудес», «Алиса в Зазеркалье». Всё и все (включая самого автора) выступают в его книгах в зашифрованном виде, одна лишь Алиса — такая, какой ее знал и любил Кэрролл, — свободно и смело идет по ее страницам.

Книга заключается акростихом: первые буквы строк складываются в имя — Алиса Плээнс Лидделл. И, должно быть, не случайно Белый Рыцарь поет ей на прощанье песню на мотив известной баллады Томаса Мура «Сердце и лютня». «Я все вам отдал, все, что мог», — этими словами провожает Кэрролл уходящую от него в жизнь Алису.

Н. Демурова.